

Byzantine Society as Described by the Chroniclers of the Fourth Crusade: A Statistical Analysis

D. L. Frolov¹

¹Vladimir State University, 87 Gorky str., Vladimir, 600000, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-3-426-435

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the study of the characteristics given to the Byzantine society by the chroniclers of the fourth crusade. Based on a statistical analysis of the works of Geoffroi de Villehardouin, Robert de Clari and Henri de Valenciennes, the author comes to the conclusion that the Frankish knights considered the social structure of Byzantium almost identical to their own. They showed the greatest interest in their “brothers” – the higher and lower strata of local nobility, which was subsequently integrated into the system of vassal-fief relations. This fact is confirmed by the use of specific western terms (“senior”, “lady”, “chevalier”, “sir”) in relation to representatives of the Greek aristocracy, as well as by naming agreements with some archon communities of the former western Byzantine provinces as “fealte”. The feudal lords also paid close attention to the indigenous military troops, less to the masses of townspeople and almost completely ignored the existence of the ordinary (more or less dependent) rural population. At the same time, fears were widespread among the conquerors towards all Greek people, who were often considered traitors. This bias could be due to the negative experience of the relationship between the crusaders and the Constantinople authorities in the 12th century, the Europeans’ misunderstanding of the another culture features, as well as the propaganda of the Catholic clergy, who sought to expose the Byzantines as schismatics or heretics.

Keywords: fourth crusade; frankokratia; Geoffroi de Villehardouin; Robert de Clari; Henri de Valenciennes

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Frolov, Denis L. | E-mail: dlfrolov.hdf@gmail.com
| Postgraduate

Характеристика ромейского общества франкскими хронистами IV крестового похода: статистический анализ терминологии

Д. Л. Фролов¹

¹Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, ул. Горького, 87, Владимир, 600000, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-3-426-435
УДК 94(495).04

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена изучению характеристики византийского общества хронистами IV крестового похода. На основании статистического анализа терминологии произведений Жоффруа де Виллардуэна, Робера де Клари и Анри де Валансьена автор приходит к выводу, что «франкские» рыцари считали социальное устройство Византии практически идентичным своему собственному. Наибольший интерес они проявляли к своим «собратьям» – местной знати, которая впоследствии была интегрирована в систему вассально-ленных отношений. Пристальное внимание феодалы уделяли ромейским военным отрядам, меньшее – горожанам и практически полностью игнорировали существование низших слоев сельского населения. Вместе с тем в среде завоевателей были широко распространены опасения по отношению ко всем «грекам», часто считавшимся предателями. Данная предвзятость могла быть обусловлена негативным опытом взаимоотношений крестоносцев и константинопольских властей в XII в., непониманием европейцами особенностей другой культуры, а также пропагандой католического духовенства, стремившегося выставить ромеев в качестве схизматиков или еретиков.

Ключевые слова: IV крестовый поход; франкократия; Жоффруа де Виллардуэн; Робер де Клари; Анри де Валансьен

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Фролов, Денис Леонидович | E-mail: dlfrolov.hdf@gmail.com
Аспирант

Первые широкие контакты западных европейцев с византийцами произошли в рамках крестовых походов XI–XII вв. В данный период связи между ромеями и латинянами поддерживались за счет паломнического движения, межгосударственной дипломатии, а на территории Святой Земли – непосредственного совместного проживания православных «греков» и католиков.

Среди некоторых представителей крестоносных воинств II–III крестовых походов пользовалась популярностью позиция, суть которой сводилась

© Фролов Д. Л., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

к вероломности «греков». К такому выводу на основании анализа некоторых фрагментов «De profectone...» Одо Дейльского пришли С. И. Лучицкая и Ж. Ле Гофф [1, с. 112; 2, с. 170–171]. До Одо крайне негативно к части византийского общества относился Лиутпранд Кремонский. Особенно сильную ненависть посол испытывал к местному духовенству («In omni Græcia, veritatem dico, non mentior, non reperi hospitales episcopos»¹ [3, р. 935]. Даже весьма объективный в своих описаниях Гийом Тирский писал о злобном характере «греков» («Nostris autem in simplicitate spiritus et sincera fide incenditibus, vix persuaderi poterat Graecorum malitia»² [4, Lib. II, Cap. XIX].

Несомненно, что подобные предубеждения европейцев могут считаться одним из мотивов нападения крестоносцев на Константинополь в 1204 г., являвшегося, по мнению некоторых исследователей, преступлением коллективного Запада перед Византией, прекрасным примером лицемерия латинян, прикрывавшихся благородными целями и жаждавшими лишь наживы [5, с. 3–4; 6, с. 123]. Отчасти мы действительно полагаем, что предвзятость католиков к православным сыграла не последнюю роль в уничтожении ромейского государства, но обратим внимание на тот факт, что указанные нами негативные сентенции принадлежали западному священству, часто транслировавшему более радикальную идеологию, нежели официальный Святой Престол³ [7, р. 34–39; 8, с. 92].

Деятельность светских правителей на территории латинских государств Востока свидетельствовала о гораздо более прагматичном подходе франков к ромеям, вызванном политическими нуждами государей. Последние, в частности, благоволили православным монастырям, одобряли совместные религиозные процессии, пытались наладить взаимодействие различных христианских общин, использовали византийскую иконографию на своих монетах, а в исключительных случаях даже восстанавливали православных патриархов в правах [9; 10, р. 453–454; 11, р. 458–462; 12; 13; 14, с. 77].

Однако можно ли объяснить такое поведение высших западных феодалов еще и их всецело лояльным отношением к восточным христианам? Ведь на территориях Святой Земли ромеи и армяне не являлись абсолютным большинством населения, а также представляли в качестве «естественных» союзников крестоносцев в их борьбе против мусульманского мира. В Балканских государствах латинян ситуация была иной. В данной местности уже само «греческое» общество стало для франков чужеродной средой, а также фактически их единственной внутривизантийской проблемой. Именно эти обстоятельства должны были проявить истинное отношение европейских рыцарей не только к византийцам в целом, но и к отдельно взятым группам внутри местного населения.

¹ «Истину говорю, не лгу: во всей Греции не сыскать гостеприимных епископов».

² «Наших же, простодушных и чистых верой, трудно было убедить в злобе греков».

³ До падения Константинополя Иннокентий III, например, рассматривал план перехода византийской церкви под власть Рима с сохранением действовавших тогда светских властей.

Обширный материал по данной проблеме представлен уже в трех хронологически первых хрониках периода «франкократии» на Балканах: «Завоеваниях» северофранцузских рыцарей Жоффруа де Виллардуэна и Робера де Клари, а также «Истории императора Генриха», составленной ближайшим чиновником Генриха Фландрского Анри де Валансьеном [15–17; 18, р. 1134; 19, р. 12–13]. Тем более примечательно, что к настоящему времени так и не было проведено статистическое исследование их текстов по поставленной проблеме. Исследователями рассматривались лишь отдельные фрагменты старофранцузских произведений, посвященные «грекам». Например, Ж. Ле Гофф обращал внимание на антиправославные проповеди католического клира под стенами Константинополя, Ф. Ван Трихт – на процедуру принятия латинского подданства ромеями, Л. Косталас – на впечатления Робера де Клари константинопольскими реалиями, а Д. Квеллер и Т. Мэдден – на общий ход военных действий с византийцами [2, с. 132; 20, р. 83; 21, р. 701–704; 22].

Несомненно, что указанные работы в определенной степени дают информацию об отношении светской части европейцев к «грекам» в ранний период существования франкских государств в Эгейском бассейне. Однако они основаны на анализе единичных сюжетов, тогда как различные старофранцузские термины, использовавшиеся для обозначения ромеев, в текстах трех указанных нами хроник встречаются 208 раз (см. табл. 1)].

Таблица 1

Термин «грек/греки» в текстах франкских хронистов⁴

Автор	Термин
1. Робер де Клари	Grieu/Griu/Grius/Grijois
2. Жоффруа де Виллардуэн	Grius/Grieu/Grifon/Grex/Greu/Gre
3. Анри де Валансьен	Grifons, Grifon, Gris

Данные понятия употреблялись преимущественно для описания местной знати (58 раз), горожан (без указания принадлежности к конкретному социальному слою) (28 раз), византийских военных формирований (98 раз), а также «греков» как этноса в целом (24 раза). Единожды Анри де Валансьеном были упомянуты некие «purs Grifons» («простые греки»), находившиеся в расположении войска Генриха Фландрского, а также «вилланы», метавшие камни в отряды указанного императора («Et si avoit vilains ki a nostre gens jetoient de pieres en grans fondens») [17, § 677].

Уже на основании общих подсчетов мы можем констатировать, что наибольший интерес для завоевателей представляли войска оппонентов, за ними – ромейская аристократия и в гораздо меньшей степени – горожане

⁴ Составлено по: Geoffroi de Villehardouin La Conquête De Constantinople; Robert de Clari Conquête de Constantinople; Henri de Valenciennes: Histoire de L'Empereur Henri de Constantinople [15–17].

и византийский этнос. При этом «вилланы» или «простолюдины» их не интересовали вовсе (в обоих случаях Валансьен упоминал их в составе основных или вспомогательных военных отрядов). Данные, представленные в диаграмме (рис. 1), прекрасно иллюстрируют, что такое «распределение внимания» было присуще всем упомянутым нами хронистам. Однако представляется целесообразным провести детальный анализ того, как франкские авторы характеризовали каждую из трех социальных групп по отдельности и ромеев в целом.

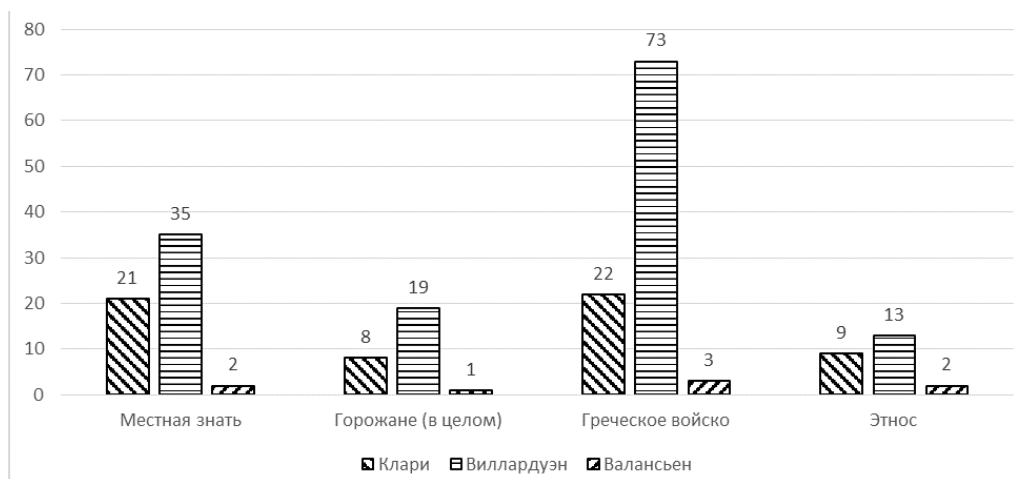

Рис. 1. Контекст употребления различных вариантов термина «греки» у франкских хронистов⁵

1. Местная знать

Попавшие на европейские территории Византии крестоносцы неизбежно должны были столкнуться с двумя группами местной знати: высшей аристократией и архонтами – людьми более низкого происхождения, тем не менее обладавшими существенным влиянием на местах [23, р. 237–238]. Хронисты времен IV крестового похода и становления Латинской империи в отличие от, например, автора старофранцузского списка «Морейской хроники» заставили существенное число представителей как первой, так и второй из указанных категорий⁶.

В произведениях Жоффруа де Виллардуэна и Робера де Клари мы встречаемся с четырьмя видами упоминаний местной аристократии, которые условно можно именовать «нейтральными», «негативными», «позитивными» и «статусными». Нам наиболее интересны 2–4 категории. 2–3 представляют

⁵ Составлено по: Geoffroi de Villehardouin *La Conquête De Constantinople*; Robert de Clari *Conquête de Constantinople*; Henri de Valenciennes: *Histoire de L'Empereur Henri de Constantinople* [15–17].

⁶ К 1207 г. практически вся «аристократическая верхушка» Византии мигрировала в Никею или Эпир. Исключением был, например, Феодор Врана, получивший под свое автономное управление Адрианополь (см.: [24]).

собой антонимическую пару. В тексте шампанца отрицательное отношение к благородным «грекам» проявляется в использовании по отношению к ним терминов, связанных с трусостью, предательством и ненадежностью, у пикардийца – только с трусостью и предательством (напр. «*traître*») [15, XVIII, XLVI, LXXIV; 16, XVIII, XLIII, LXI, LXVI]. С положительным описанием византийского архонта мы встречаемся только один раз в рассказе Жоффруа о союзе его племянника с одним из «сиров» («*sire*») Греции. В целом различные формы понятия «грек» в связи с негативными характеристиками знатных ромеев употребляются двумя крестоносцами 30 раз, а позитивными – всего 5.

Взгляды франков были неоднозначны: они четко отделяли низкие моральные качества местной аристократии от ее социального статуса по праву рождения. В одном из фрагментов произведения Робера де Кларии мы встречаем изложение легенды о стоворе Мануила Комнина с западными феодалами, целью которого являлась проверка мужества «греческих» придворных путем постановочного нападения рыцарей на них. Такую проверку бежавшие и покинувшие правителя ромеи не прошли. Несомненно, что в глазах пикардийца данное поведение являлось примером трусости и слабой военной подготовки столь влиятельных византийцев, но примечательно другое: франк не отказывал им в благородном происхождении, как минимум равном собственному. Так, в рассматриваемом рассказе Мануил, обращаясь к своим ближайшим слугам, произносит слово «сеньоры» («*seigneur*»). Идентично правитель именуется и самих европейцев [16, XVIII].

В свою очередь, Жоффруа де Виллардуэн порицал Алексея Дуку Мурзуфла за совершение «ужасного предательства» («*orrible traison*»), на которое до того не решался ни один человек («*nule gent*»). В том же фрагменте шампанцем приводится информация о наличии у Мурзуфла сторонников и тайном характере заговора («...*si pristrent conseil priveement por lor seignor traïr*»), и здесь, как и в описании Робера де Кларии, высшая византийская знать выступает в качестве вассалов, служащих своему сеньору («*seignor*») (в данном случае – Алексею IV Ангелу) [15, XLVIII]. Равенство происхождения «греческой» и европейской аристократий маршал Романи подчеркивал своим отношением к благородным византийским дамам («*les dames de Constantinoble*»), всадникам («*chevaliers de Grius*») и архонтам Греции («*sire*») [15, XXVIII, XLV, LXXII]. Вне феодального сословия не мыслил благородных «греков» и «продолжатель» шампанца – Анри де Валансьен, писавший о смене некими архонтами своего сеньора («*segneur*») с мятежных ломбардцев на франков [17, §663].

Существование указанных взглядов рыцарей на ромейскую аристократию подтверждается и тем, что в рассказе о переходе *ἄρχοντες* городов Северной Греции под власть франков Виллардуэн использовал понятие «*fealte*», подразумевавшее установление «классических» сеньориально-вассальных связей. Этот термин был употреблен автором «Завоевания» в нескольких сю-

жетах о клятвах, принесенных Балдуину Фландрскому адрианопольцами, высокородными жителями Кавалы, Серре и некой крепости Бланш (Blanche) [15, LIX, LXII].

В целом проведенный нами анализ подтверждает высокую заинтересованность завоевателей в деятельности местных аристократов, а также слова Д. Якоби о том, что западные феодалы считали благородных ромеев своими «двойниками» («counterparts»), которых следовало интегрировать в вассально-ленную структуру⁷ [25, p. 899].

2. Греческое войско

Наиболее часто хронисты упоминали «греческие» войска, что объясняется постоянными боевыми действиями в период становления Латинской империи. Если Анри де Валансьен в большинстве случаев описывает участие союзных ромейских отрядов в походах Генриха Фландрского, то Жоффруа де Виллардуэн и Робер де Клари постоянно характеризуют византийцев в качестве противников [17, § 543, 549]. Лишь в пяти сюжетах их хроник «греки» предстают победителями или же достойными воинами [15, XXVI, LI, XCIV, CX; 16, LXXI] (один раз – как союзники латинян). В остальных случаях местные боевые формирования изображаются склонными к бегству, нерешительными и неспособными на равных воевать с франками [15, XXXI, XXXIV, XXXVII, LIII, LIV, LXXI, LXXIII, LXXV, LXXXIX, CIX; 16, XLIX, LXV, LXIV, LXXVI, LXXIX, LXXX] [табл. 2].

Таблица 2

«Греки» как воины в хрониках Клари и Виллардуэна⁸

Характеристика «греков» в качестве противников	Количество упоминаний
Победители или положительная характеристика	11
Побежденные или отрицательная характеристика	45

20 упоминаний этнонима «грек» связаны с разгромом ромеев, обладавших подавляющим большинством. Если описание битвы при Кундурсе Виллардуэном является просто неоднозначным, то рассказы де Клари в некотором отношении представляются легендарными⁹ [15, LXXIII]. Так, Генрих Фландрский с 30 рыцарями и «множеством» конных сержантов сумел обратить в бегство 4000 византийских всадников под руководством василевса («Quant Morchofles le seut, si fist monter bien dusques a .iiij.m. hommes a armes»), некоторые рыцари в одиночку отбивали несколько уровней башен, а брат Робера (бывший клириком) разгонял ножом толпы византийцев [16, LXV, LXXIV, LXXVII]. В результате, как и в случае с местной аристократией, проявлялось стремление хронистов максимально «принизить» оппонентов.

⁷ Наиболее подробно и полно формы и виды интеграции архонтов в феодальную общественную структуру на данный момент рассматривались Д. Якоби и М. Кордозисом [26–27].

⁸ Составлено по: Geoffroi de Villehardouin La Conquête De Constantinople; Robert de Clari Conquête de Constantinople [15–16].

⁹ По сведениям Виллардуэна, в битве при Кундурсе 500 франков одержали победу над 5000 «греками».

3. Горожане (без указания принадлежности к конкретной социальной группе)

Куда сложнее понять отношение франкских авторов к жителям ромейских городов. В трех текстах доминируют нейтральные характеристики горожан (у Анри де Валансьена – во всех случаях). Жоффрау де Виллардуэн упоминает лишь о том, что адрианопольцы считали Балдуина Фландрского сеньором (*seignor*), а также в крайне негативных тонах отзывается о резне «греков», устроенной франками в Нафплионе [15, LXI, LXXXIV]. Клари обращает внимание на то, что все константинопольцы являются предателями, из-за которых крестоносцы боятся оставаться в городе («*pour les Grius qui traïteur estoient*») [16, LV]. Безразличное отношение рядового пикардийского рыцаря к социальному устройству столицы проявлялось в том, что он отказывался рассказывать «о других, знатных и низкородных, бедных и богатых греках» («*Des autres Grius, des haus, des bas, de povres, de riches...*»), проживавших там [16, XCII]. Данное описание представляется нам крайне поверхностным, тем более когда оба указанных нами крестоносца не оставили ни одного рассказа о примечательных чертах какого-либо византийского городского института, существенного отличавшегося от европейского.

4. «Греки» как этнос в целом

Рассмотрев отношение франкских хронистов к различным социальным группам византийского населения, мы должны изучить то, каким образом латинские авторы характеризовали «греков» как этнос в целом. В данном контексте следует отметить, что Жоффрау де Виллардуэну и Роберу де Клари было присуще скептическое отношение к византийцам, неоднократно проявлявшееся западными европейцами во времена первых крестовых походов¹⁰. Так, шампанец писал о крайне настороженном отношении предводителей войска крестоносцев к местному населению. Недоверие достигало таких масштабов, что франки опасались переговоров с ромеями в невооруженном виде («*Lors comenca a ajorner, et l'ouz se comenca a armer; si s'armerent tuit par l'ost, porce que il ne creoient mie bien les Grex*») [15, XXXVIII]. Даже после заключения союза с несколькими «греческими» городами латиняне (по словам хрониста) боялись предательства со стороны византийских отрядов [15, XCIX].

Нами неоднократно приводились и слова де Клари о предательской сущности ромеев. Однако именно в его тексте содержится весьма важная информация о том, что, несмотря на проповеди духовенства о безбожности византийцев («*...et qu'il ne doutaissent mie a assalir les Grius, car il estoient enemî Damedieu*»), простой рыцарь сохранял представления о «греках» как о христианском народе [16, LXXIII]. Об этом, в частности, свидетельствует его восхищение местными иконами и даже вера в их чудодейственные силы, благодаря которым Алексей Мурзуфл, «предавший» Алексея IV, проиграл битву

---

¹⁰ Анри де Валансьен не оставил характеристик моральных качеств ромеев.

франкам («...et pour chou que Morchofles ne le portoit mie a droit, creons nous qu'il fu desconfis) [16, LXVI, CXIV].

Таким образом, латинские хронисты, описывавшие завоевание Константинополя и становление Латинской империи, испытывали опасения по отношению ко всем ромеям и часто считали их предателями. Данная предвзятость могла быть обусловлена негативным опытом взаимоотношений крестоносцев и византийских властей во времена первых крестовых походов, непониманием европейцами особенностей другой культуры, а также пропагандой католического духовенства, стремившегося выставить «греков» в качестве схизматиков или еретиков.

Усилия западного клира тем не менее не возымели полного эффекта, в результате чего светская часть войска в 1203–1204 гг. считала своих «оппонентов» полноценными христианами, что, по нашему мнению, позволило франкским «пилигримам» представлять ромейское общество в качестве своеобразного двойника собственного социума. Об этом свидетельствует как пониженный интерес латинской аристократии к жизни простолюдинов, так и повышенный – к своим «собратьям» в виде византийской знати, для описания представителей которой авторы хроник зачастую использовали типично «феодалные» термины. Отрицательные же характеристики благородных «греков» могли быть вызваны не только «старыми» предубеждениями, но и желанием завоевателей «принизить» рыцарские качества своих прямых конкурентов. Социальный статус, обусловленный происхождением человека, являлся для благородных латинян куда более важной характеристикой, нежели конкретные негативные стереотипы о ромеях, о чем свидетельствуют формы интеграции местного общества в новую социальную структуру, достигающую максимального развития в Ахейском княжестве.

Ссылки

1. Лучицкая С. И. Четвертый крестовый поход глазами русского современника // Византийский Временник. 2006. Т. 65 (90). С. 107–126.
2. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 560 с.
3. Liutprandus Cremonensis Relatio de Leagitione Constantinopolitana // Patrologia Latina / Ed. par J.-P. Migne. P.: J.-P. Migne, 1853. Т. CXXXVI. P. 909–938.
4. Willelmus Tyrensis: Historia Rerum in Partibus Transmarinis Gestarum. [Электронный ресурс]. URL: <http://thelatinlibrary.com/williamtyre.html>.
5. Литаврин Г. Г. От схизмы христианской церкви в 1054 году – к захвату Константинополя крестоносцами в 1204. // Тезисы докладов XVII всероссийской научной сессии византинистов. М.: ИВИ РАН, 2004. С. 3–5.
6. Медведев И. П. Завоевание Константинополя крестоносцами в 1204 г. как средневековый аналог событиям из современной международной жизни // Тезисы докладов XVII всероссийской научной сессии византинистов. М.: ИВИ РАН, 2004. С. 120–123.
7. Andrea A. J. Contemporary Sources for the Fourth Crusade. Boston: Brill, 2000. 344 p.

8. Васильев А. А. История Византийской империи / Пер. с англ. А. Г. Грушевой. СПб.: Алетейя, 2000. Т. 2. 593 с.
9. Galadza D. Greek liturgy in crusader Jerusalem: witnesses of liturgical life at the Holy Sepulchre and St Sabas Lavra // *Journal of Medieval History*. 2017. Vol. 43, № 4. P. 421–437.
10. Jotischky A. Greek Orthodox monasteries in the Holy Land and their liturgies in the period of the crusades // *Journal of Medieval History*. 2017. Vol. 43, № 4. P. 438–454.
11. MacEvitt C. Processing together, celebrating apart: shared processions in the Latin East // *Journal of Medieval History*. 2017. Vol. 43, № 4. P. 455–469.
12. Брюн С. П. Византийские иконы на монетах нормандского правителя сирийской Антиохии // *Культура и цивилизация*. 2013. 1–2. Аналитика Родис. С. 33–48.
13. Брюн С. П. Ромеи и франки в Антиохии, Сирии и Киликии XI–XIII вв.: к истории соприкосновения латинских и византийских христиан на рубежах востока. М.: Маска, 2015. Т. 1. 571 с.
14. Брюн С. П. Церкви Востока пред крестоносным правителем Заморской земли. Боэмунд IV Одноглазый и христиане Леванта // *Исторический Вестник*. 2017. № 20. С. 58–81.
15. Geoffroi de Villehardouin *La Conquête De Constantinople* // *La conquête de Constantinople, avec la continuation de Henri de Valenciennes* / Éd. par M. Natalis de Wailly. P.: Firmin-Didot frères, fils et c., 1872. P. 1–194.
16. Robert de Clari *Conquête de Constantinople* / Ed. par P. Lauer. P.: Champion, 1924. 132 p.
17. Henri de Valenciennes: *Histoire de L'Empereur Henri de Constantinople* // *La conquête de Constantinople, avec la continuation de Henri de Valenciennes* / Éd. par M. Natalis de Wailly. P.: Firmin-Didot frères, fils et c., 1872. P. 195–272.
18. Albert H. *Histoire de l'empereur Henri de Constantinople*, publiée par Jean Longnon // *Revue belge de Philologie et d'Histoire*. 1950. Vol. 28. P. 1134.
19. Henry de Valenciennes *The Lay of Aristote* / Tr. and ed. by L. C. Brook, G. S. Burgess. Liverpool: The University of Liverpool, 2011. 80 p.
20. Van Tricht F. *The Latin Renovatio of Byzantium: The Empire of Constantinople, 1204–1228*. Leiden: Brill. 2013. 544 p.
21. Kostalas L. Mentalidades de francos y bizantinos en 1204: una aproximación // *Anuario de estudios medievales*. 2013. № 43, Fasc. 2. P. 695–716.
22. Queller D. E., Madden T. F. *The Fourth Crusade: The Conquest of Constantinople*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1997. 368 p.
23. Angold M. *Archons and Dynasts: Local aristocracies and the Cities of the Later Byzantine empire* // *The Byzantine Aristocracy, IX to XIII centuries* / Ed. by M. Angold. Oxford: B.A.R., 1984. P. 236–253.
24. Van Tricht F. *The Byzantino-Latin Principality of Adrianople* // *Dumbarton Oaks Papers*. 2014. Vol. 68. P. 325–342.
25. Jacoby D. *The Encounter of Two Societies: Western Conquerors and Byzantines in the Peloponnesus after the Fourth Crusade* // *The American Historical Review*. 1973. Vol. 78, № 4. P. 873–906.
26. Jacoby D. *Les archontes grecs et la féodalité en Morée franque* // *Travaux et mémoires*. 1967. T. 2. P. 421–481.
27. Kordoses M. *Southern Greece under the Franks (1204–1262): A Study of the Greek Population and the Orthodox Church under the Frankish Dominion*. Ioannina: University of Ioannina, 1987. 127 p.